



НИЖЕГОРОДСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛИСТОК

ОКТАБРЬ
/2025

**26 октября 2025 года, в Неделю 20-ю
по Пятидесятнице, за Божественной
литургией читаются стихи 5–15
из 8-й главы Евангелия от Луки**

**Из проповеди
Святейшего
Патриарха
Кирилла**



31 октября 2021 года

Сегодняшнее евангельское чтение всем хорошо известно — это притча о сеятеле (Лк 8:5–15). И притча эта даже не столько о самом сеятеле, сколько о той почве, на которую падает посажаемое им семя. Одна почва — та, что при дороге, обочина; и слово Божие говорит: при дороге что может быть доброго? Такое семя не приживается — почва неплодородная. А другая почва каменистая, и когда попадает зерно на такую почву, восходит солнце, пополяет зерно, и оно не всходит. Есть еще почва, в которой много сорняков, терний, и, поскольку тернии уже сильны, а зерну еще только предстоит произрасти, то нет для него никакой возможности дать плод, потому что тернии, сорняки помешают зерну раскрыть свою жизненную силу.

Эта притча, конечно, о нас. Почва — это мы, это наши сердца, это наш разум, это наша способность воспринимать слово Божие, и никто из нас не может сказать: вот то, что при дороге, — это про меня, а остальное нет; потому что каждый может оказаться и почвой при дороге, и почвой, исполненной терний, и почвой каменистой, — все зависит от состояния нашей души. Но ведь когда мы говорим о состоянии души, мы имеем в виду и состояние нашего разума, поскольку разум формирует целеполагание, жизненные цели, то, к чему мы стремимся. И если осознать, что зерно, то есть слово Божие, есть наша главная цель, то мы не будем ни почвой при дороге, ни почвой в терниях, ни почвой каменистой, неспособными принять это зерно. <...>

Необходим духовный самоанализ, беспристрастное всматривание в самих себя, проверка наших мыслей, слов и деяний в течение дня, что



вообще-то полагается делать каждому христианину после вечерней молитвы. Подумать о минувшем дне, спросить, что было хорошего, что было плохого, и, может быть, в какой-то момент мы отважимся спросить самих себя: а вот сегодня какой почвой я был? Плодоносной, или каменистой, или исполненной терний? И если мы начнем задавать себе вопросы о том, а что я собой представляю, насколько я способен усвоить Божественное слово, то, может быть, и слышание этого слова обернется совершенно иными последствиями.

Слушая эту замечательную притчу, мы, может быть, никогда не задавали себе вопрос: а где я? А моя душа — это какая почва? Но если сегодня, выслушав эту притчу, мы скажем себе: нужно воспитать навык духовного самоанализа и каждый вечер, подводя некий итог пройденного за день пути, спрашивать себя, какой же почвой я был сегодня, — то эти вопросы могут радикально изменить нашу жизнь. Они заставят нас думать о самом главном. Не вспоминать пустое, что было в течение дня, не простирались такими несодержательными мыслями к дню грядущему, а, ответив себе на вопрос о том, какой же почвой я был, сказать: Господи, помоги мне быть почвой плодоносной! Не хватает у меня сил, терзают меня и страсти, да и жизненные обстоятельства, в круговерти постоянной, забот много о семье, о детях, о внуках, а если таковых и нет, то как много других забот, связанных с нашей работой, с ведением домашнего хозяйства и с прочими и прочими задачами, которые мы сами перед собой ставим, или которые перед нами жизнь ставит, и на решение которых уходят все наши силы, весь наш духовный потенциал, не оставляя пространства для того, чтобы позаботиться о своей душе! И если поймем, что мы почва каменистая, неплодоносная, или что душа наша в терниях, то, может быть, осознаем необходимость превратить эту неплодоносную почву в почву удобренную. <...>

26 октября



Чудотворная икона Пресвятой Богородицы, названная «Седмиезерной» по месту своего пребывания в Седмиезерной Богородичной пустыни, пользуется чрезвычайным почитанием по всему Прикамью и Поволжью. В настоящее время святыня хранится в Петропаловском кафедральном соборе

столицы Республики Татарстан и еженедельно выносятся в храм для служения.

В сказании об иконе сообщается, что на исходе XVI века она принадлежала некоему Евфимию, уроженцу города Устюга Вологодской губернии. Евфимий с юности стремился к монашеству и, взяв родительское благословение – икону Богородицы, ушел в монастырь. Когда родители умерли, инок похоронил их и с братом отправился в Казань. Недалеко от нее Евфимий нашел тайное глухое место, окруженное семью озерами, и основал там обитель.

Слухи о благочестивой жизни Евфимия распространились, братьи становилось все больше. Сам же он был взят в Казанский митрополичий дом, куда перенес с собой и икону. Не живя в пустыни, Евфимий оставался ее начальником и попечителем, и братия обращались к нему за советами.

Как ни дорожил праведник иконой Божией Матери, однако по любви к насельникам Седмиезерной обители решил расстаться с ней и благословить ею пустынь. Проводить святыню собралось все казанское духовенство. Когда был совершен молебен, митрополит, преклонив колени, воскликнул: «Ты отходишь от нас, Госпожа наша! Благослови пустынь, в которую идешь Ты, и спаси обитающих в ней. Но с ними призирай и нас милостиво, ибо вся страна наша, Владычице, на имя Твое уповает!»

За священником и диаконами, которым было поручено перенести икону в пустынь, по усердию к Царице Небесной отправились верующие и желающие увидеть новый монастырь. Документы рассказывают, что во время этого крестного

Празднование иконе Божией Матери «Одигитрии Седмиезерной»

хода многие уставали, но как только они начинали нести икону, усталость дивным образом исчезала.

По прибытии образа Богородицы в обитель она была радостно встречена братьей, и с тех пор народ стал ходить на поклонение святыне, принося жертвоприношения. Монастырь расцветал.

В записях о чудесах, свершившихся от Седмиезерной иконы, упоминается эпидемия чумы, начавшаяся в 1654 году в Москве и распространившаяся в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани и других городах. Население бежало в леса и пустынные местности. К тому времени икона Божией Матери из Седмиезерной пустыни была уже известна в округе, и ее было решено принести в Казань. Святой образ обнесли вокруг города и поставили в Благовещенском соборе, после чего эпидемия начала утихать. Прекращалась болезнь и в домах, куда жители приносили икону. После недельного пребывания святыни в Казани монахи Седмиезерной пустыни попросили возвратить ее обратно в монастырь. Казанцы устремились в храм, чтобы совершить молебен и попроситься с заступницей. После всемогущего бдения народ стал поднимать икону, но вдруг забушевала буря, наступила темнота, пошел дождь и снег. Когда же все стихло, люди увидели, что левая рука Богородицы на иконе изменила свое положение: пальцы теперь были сложены в благословляющем жесте. Так все поняли, что Богородице еще не настало время уйти из Казани, и чудотворная икона осталась в городе на год.

По прошествии этого времени архиерей сам препроводил святой образ в пустынь, но на следующий год чума снова появилась в Казани и свирепствовала еще сильнее. Летом эпидемия повторилась. Оба раза из Седмиезерной пустыни приносили икону Богородицы, и это спасало город.

Помимо прекращения моровой язвы, Седмиезерная икона прославилась тем, что по молитве перед ней исцелялись страждущие различными болезнями и слепые.